

Литературный клуб Исеть

Лидия Попкова



ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ ДЕРЕВЯННАЯ...
(рассказы)

2021



Детства тёплая рука

- Не догонишь! Не догонишь! – озорно выкрикивал Санька, летя вдоль по улице. Он мчался по пыльной дороге, сверкая босыми пятками.

-Ах, чучмек паршивый! Вот возвратишься домой, я тебя вицей приголублю! – грозила вслед бабка Авдотья, размахивая в воздухе хворостиной.

«Чучмек» было самое, что ни на есть, ругательное бабкино слово. Им она «одаряла» всех, кто наносил ей обиду.

Санька во весь дух бежал туда, за окраину деревни, на излюбленное местечко на берегу речушки Светлушки, что спокойно текла среди зелёных лугов и впадала в озеро Пастушье, получившее своё название от того, что колхозные пастухи гоняли к нему стада коров на водопой.

Речка Светлушка была небольшая, своенравная. Тихая и спокойная на первый взгляд, она имела скрытые подводные подвохи: ровное песчаное дно местами обрывалось глубокими омутами, в которых нередко находили приют неосторожные и незнакомые с нравами Светлушки купальщики. А вообще-то вода в реке была светлая, прозрачная и тёплая. В жаркие летние дни в ней отражалось голубое небо, солнечные блики играли на поверхности и мальки-рыбёшки резвились в парной у берега воде.

Санька любил Светлушкино «бормотанье», когда она чуть ерошисто катила свои волны в ветреную погоду. Это журчащее движение реки вызывало в нём желание смотреть на волнистые гребешки, не отрываясь. Он мог часами сидеть и думать о своём. На невысоком взгорье, под развесистым старым тополем, в береге был травянистый выступ, напоминающий мягкий стульчик с удобной спинкой и такими же мягкими подлокотниками. Этот «стульчик» и считал Санька своим любимым местом. Вот и теперь он мчался к нему. А под лёгкой рубашонкой бережно прижимал он огромный оранжево-жёлтый огурец, сорванный с грядки бабки Авдотьи. Этот огурец, что она называла «семянник», бабка берегла, как самое дорогое сокровище. Он был на грядке, будто король. Казалось, бабка боялась на него дышать: холила и нежила. А он рос и набирался сил, постепенно приобретая необыкновенный цвет солнца. Плодившиеся вокруг его огурцы-

зеленцы появлялись и исчезали, сорванные и съеденные, а он всё царствовал на грядке. Только Санька, с восторгом глядя на него, был давно обуреваем желанием «приголубить» богатыря... и вот теперь, воплотив мечту в реальность, ждал когда там, на своём «стульчике» с аппетитом станет поглощать сочную чуть кислую мякоть с крупными твёрдыми семечками и жёсткой хрустящей кожурой. Он не знал почему так хотел вот таких переспелых огурцов. Но они были для него вкуснее самого изысканного лакомства.

Много лет миновало с той поры. Три десятка промчались, будто одно мгновение. И отчего именно это воспоминание детства так всколыхнуло сердце? Александр сидел на своём «стульчике» и смотрел на мирное течение Светлушки. И также тихо текли его мысли, выхватывая эпизоды детства. Уже давно нет в живых бабушки Авдотьи, постарела деревенька и смотрит в безлюдную улицу пустыми глазницами окон. Молодёжь разъехалась кто куда. Вот и он, Александр - городской житель. А в деревню выбрался на недельку, погостить к старикам-родителям.

Летний день угасал. Красным шаром скатывалось за горизонт солнце. Берёзовая рощица на взгорье казалась волшебным уголком, в котором легко и вольно дышалось пьянящим воздухом, насквозь пропитанным ароматом цветущих трав и полевых цветов. Чуть ближе, сразу за деревней, светлым стёклышком блестело маленькое озерко. Когда-то между ним и рощей было небольшое колхозное гороховое поле, на которое, как саранча, налетали ребятишки. Порой их, громко ругаясь, гонял бригадир дядя Семён. Только больше строгого начальника боялись ребятишки таинственной Огородницы. Никто, никогда её не видел, но страх испытывали невероятный.

О ней рассказывала бабка Авдотья:

- Вот поймает вас, воришек, в чужом огороде, аль в гороховом поле Огородница, узнаете как покастить! Эта нагая баба сидит в крапиве. Выскакивает и утаскивает вашего брата гавриков. А куда – никому неведомо...,- пугала бабка.

Стоило во время «страды» на гороховом поле кому-нибудь крикнуть: «Огородница!», как всех, будто метлой, с него выметало! Мчались к деревне так, что только пятки мелькали...

Теперь старое поле заросло травой. Но, глядя на него, Александр невольно вспомнил чуть сладковатый вкус зелёного гороха, что за обе щёки уплетали они с друзьями в дни детства.

Бабушка Авдотья в Санькиной семье была главной. С ней считались отец, мать, старшие брат с сестрой. Но особенно уважал её дед Михайло. Он никогда не прекословил ей, хотя в итоге любое дело выводил так, как считал нужным.

- А что, внучок, нам Савеловна-то не накрутит хвоста, коли мы немножко по-своему сей дело справим? – озорно подмигивал он Саньке, когда управлялись они по хозяйству или что-либо во дворе мастерили.

А уж «воспитывала» его бабка Авдотья по-свойски. Если случалось деду негаданно-нечаянно перебрать спиртного с друзьями, она, прищулив глаза и поджав тонкие губы, угрожающе бросала: «Ну постой, байбулат!» Это было ещё одно ругательное слово в её лексиконе.

- Ну-ко, Санька, подай мне дедкино «лекарство», - протянув руку, цедила сквозь зубы.

Санька знал где лежит деревянная скалка, старательно выточенная дедом, и быстро совал её в бабкину протянутую руку. С интересом наблюдал как она «обхаживала» тем «лекарственным препаратом» дедовы бока.

Когда он утром кряхтел и поглаживал их, бабушка хитро прятала улыбку.

- Что-то у меня, Савеловна, все косточки болят, - жаловался дед.

- Да кто ж тебя знает – пить меньше надо, - бросала она, - чать с Ванькой-костоломом боролся, вот и свербят бока.

Ванька-костолом был известный в деревне задира. Он мог спровоцировать любого. Стоило ему лишь немного подвыпить, как он, закатывая рукава рубашки, басил:

- А чо, тебе слабо со мной сборогаться? Давай! Одолеешь – медаль отдам! Проиграешь - бока намну!

А медаль у Ваньки была его главной гордостью. Когда-то в молодые годы получил он её за участие в районном турнире борцов-любителей. Она висела в его доме, в красном углу, на синей ленте. Не раз он ставил её на кон в «дружеских» встречах с земляками, но она неизменно оставалась на прежнем месте.

Костоломом же его окрестили, когда однажды в такой борьбе он сломал руку такому же нетрезвому, как и сам, борцу-бедолаге.

-Тук-тук,- стучат по рельсам колёса. За вагонным окном мелькают то зелёные рощи, то бескрайние луга, то поле, где уже колосится пшеница, то синяя гладь озёр. Милые сердцу края! Когда вновь доведётся побывать в родной сторонке, окунуться в воспоминания минувших лет, погостить под крышей отчего дома, почувствовать себя тем беззаботным светлоголовым мальчиком Санькой, который вырос среди этих полей, лугов, лесов, впитал в себя их аромат. Когда вновь помечтает он на тихом берегу Светлушки и с аппетитом поуплетает вкусных маминых пирожков со свежей капусткой. А ещё помолчит, сидя на скамеечке у могилок родных людей – бабушки Евдокии Савельевны и деда Михаила Ефимовича. Положит у памятников букеты цветов и расскажет о своём житье-бытье.

Свидание с малой родиной счастливой полосой легло на душу. Александр уже знал, что его новый сборник стихов будет посвящён этой доброй, милой земле. В голове рождались простые строки, они рифмовались сами собою...

...Память оставляет нам наследство,

И из светлого издалека

Вновь протягивает руку детство,

И у детства тёплая рука...



Томка

Всю ночь Томка плакала, уткнувшись лицом в подушку. Понимала, что слёзы эти совсем ни к чему, что надо принять случившееся, как должное, что жизнь продолжается, что...А впрочем доводов не плакать была уйма. А она плакала...

Июльская ночь была до бесстыдства светлой. Про такие в народе говорят: «Хоть иголки собирай». Звёзды на высоком небе казались ярче и крупнее обычного. Млечный путь виделся настолько светлым, будто был освещён гирляндами. А луна казалась улыбающейся краснощёкой девицей. Если взглянуть, то на ней, будто на географической карте, различались непонятные «континенты», окружённые светло-жёлтыми «морями». И даже думалось, что и там непременно должна существовать определённая цивилизация. А что? Ведь живут на нашей планете люди. Почему на других планетах не может быть жизни? Возможно она другая и населяют её другие существа земные человеки, а всё-таки реально не пустуют другие планеты.

В приоткрытое окно потянуло утренней прохладой. Пахло поспевающей вишней, которой в этом году видимо-невидимо. Вот и на небольшом кусточке под Томкиным окном её столько, что листьев почти не видно. Через недельку собирать можно – налилась-вызрела. И наварит Томка ароматного джема-варенья на всю зиму, компот позакатает в банки...

Лёгкий ветерок, будто шаловливый котёнок, чуть шевелит лёгкую штору на окне. Тишина. Осторожно вползает на подоконник утренний свет, чтобы не потревожить заснувшую хозяйку.

Рассыпались по голубой подушке в белых ромашках светло-каштановые волосы, разалелись щёки, чуть сдвинуты над покрасневшими глазами брови. Высохли, не оставив следа, ночные слёзы. Спит Томка.

От железнодорожного вокзала до воинской части ехать на рейсовом автобусе минут сорок. От остановочного комплекса до расположения гарнизона вела грунтовка. Мартовское солнце уже подтопило снега по обочине и весело играло в прозрачных лужицах. Томка уверенно шагала по твёрдому дорожному покрытию в направлении кирпичных корпусов, разбросанных среди величественных сосен. Была в этой картине какая-то необычная строгость. И чем ближе подходила к корпусам, тем громче стучало сердце. «А надо ли?»- спрашивала мысленно себя Томка. «Надо!» - отвечало сердечко.

К КПП подошла уже уверенно. Молоденький солдат на вахте внимательно выслушал просьбу девушки о возможности увидеть Антона Черемисина.

- А кто он Вам? - поинтересовался.

Томка от неожиданного вопроса растерялась.

- Ну как мне доложить, кто к нему приехал, чтоб разрешили свидание,- продолжал солдатик.

Томка молчала. «А действительно, кто она? – крутились мысли. – Подруга? Сестра? Знакомая? ...Да, никто...»

- Я люблю его очень,- неожиданно для себя прошептала она,- я приехала увидеть его... И всё... Мне бы ненадолго...

Парень удивлённо посмотрел на неё.

- А ты хоть знаешь его подробный адрес? - спросил он.

- Вот.

Томка достала из сумочки бережно сложенный конверт и протянула незнакомцу. Он быстро глянул на адрес и кивнул головой.

- А он хоть знает, что ты приедешь?

- Нет...

-Ну ты даёшь. Ладно. Жди. Попробую.

Сколько минут прошло Томка не знала, и надеялась, что всё будет хорошо.

Парень провёл её в небольшую уютную комнатку, видимо предназначенную для свиданий, и уже по-дружески тепло бросил: «Жди!»

Она встала у окна, вслушиваясь в шаги за дверью. Неожиданно она распахнулась и через порог шагнул Антон. Такой знакомый и незнакомый: в шинели, шапке-ушанке, в сапогах. А на лице – удивление.

-Ты? Как ты здесь оказалась?

- Приехала. Мне так захотелось увидеть тебя...

А потом всё закрутилось, будто в колесе. Она даже толком не могла потом вспомнить о чём они говорили. Помнится, он сказал, что у него мало времени, что он «убежит в самоволку», чтобы проводить её до электрички. И они вылезли через какую-то дырку в заборе, шли через лес тропинкой, и он целовал её пылко, жадно, тепло... а она, как воск, таяла в его руках и была самой счастливой.

На вокзале он посадил её в вагон и с улыбкой помахал с перрона, когда она тронулась.

В город Томка приехала затемно и, окрылённая, быстро добралась до дома подружки – однокурсницы, к которой приехала в гости.

Первая майская гроза напоила воздух такой свежестью, что хотелось дышать глубоко-глубоко и улыбаться зелени клёнов, жемчужинкам-каплям на траве, щебетанию пичужек и просто солнышку в небе.

Антон и Томка сидят на влажных свежеструганных брёвнах и болтают ни о чём, просто так.

Неделя на дембеле промчалась быстрёхонько. Ещё не почувствовал, что дома.

- Завтра в гости уезжаю, - неожиданно произнёс Антон.

- Надолго?- встрепелась Томка.

- Да, не знаю. Как погостится.

-Ну, пока,- огорчённо произнесла она.

Дни тянулись медленно и однообразно. Каждый вечер Томка шла в конец деревенской улицы, и, остановившись неподалеку от знакомого дома, всматривалась в окна, в которых горел за тонкими задёрнутыми шторами свет. Вернувшись домой, ложилась в кровать и подолгу смотрела в звёздное за окном. Пока сон не смыкал глаза. Почти каждую ночь ей снился Антон. Она бежала ему навстречу, а он уходил не взглянув на неё...

Вчера под вечер забежала к Томке подружка, Людка Меленина – хохотушка и непоседа. А девчонка хорошая, верная дружбе уже много лет. С какой-то непонятной серьёзностью посмотрела она на Томку.

- А знаешь, Антон приехал...с женой...

Всю ночь проплакала Томка. Так и не могла она понять, почему предал её тот, кого считала лучшим на земле, кого любила ещё со школы, кому верила.

Лучик солнца скользнул по стене и шагнул на подушку. Томка открыла глаза улыбнулась ему, тёплому и весёлому. От ночных слёз не осталось и следа. Где-то внутри она ощущала обидное чувство, но уже не такое тяжёлое, как вчера. Она знала и верила, что сумеет пережить эту боль. Ведь ещё ночью Томка приняла решение, что уедет из деревни в небольшой городок, куда ещё год назад приглашала её на работу однокурсница.



Кот

Марина любила смотреть свой старый школьный альбом. Каждая фотография в нём пробуждала уйму воспоминаний, которые уводили в беззаботные годы, где всё было просто и понятно, где жили дружной семьёй мальчишки и девчонки – одноклассники.

Марина подолгу рассматривала снимки: вот в тени деревьев на лужайке расположились ребята-третьеклассники. Мальчики – в светлых рубашечках и школьных костюмчиках, девочки в форменных платьицах и белых фартучках, с аккуратными косичками и бантиками. В центре – первая учительница Ирина Ивановна, что была для маленьких воспитанников второй мамой: следила за их опрятностью, заботилась о здоровье, жалела и успокаивала, хранила от детских обид; вот – они уже шестиклассники. Марина помнит «зелёный десант», когда они всем классом заготавливали берёзовые ветки для колхозного стада. С фотографии будто выплеснулся весёлый смех озорных ребят. Марина улыбнулась, вглядываясь в их смеющиеся рожицы; а вот – пионерский сбор. Они в пионерках и галстуках, вытянулись в струнку, подняв в пионерском салюте руки над головами. Крайний сбоку – Санька Амелин, гордо держит барабан; на следующей фотографии – выпускной 10 «Б»: повзрослевшие мальчишки в нарядных костюмах и похорошевшие девчонки по-прежнему в формах и белых фартучках, с огромными бантами....

Марина листала альбом, в котором с каждой новой странички смотрели лучистые глаза одноклассников. Её взгляд остановился на чёрно-белом снимке: красивый парнишка с тёмными, слегка волнистыми волосами и открытым взглядом, весело улыбается в объектив. Воротничок светлой рубашки слегка приподнят, а верхняя пуговица расстегнута, что делает снимок чуточку «взбалмошным», чувствуется необыкновенная мальчишеская раскованность. Это Володька Котов. В классе его звали коротко – Кот.

В третьем классе, в начале учебного года Марину посадили за одну парту с Котом. Они сразу подружились. Когда случалось, что Володька пропускал уроки по болезни, Маришка скучала по соседу. Он приходил в школу радостный и угощал её вкусными ирисками, рассказывал о злополучной болезни, что «вышибла» его из колеи на несколько

дней. На 8 Марта она неизменно находила в своём дневнике красивую открытку, написанную Котом. А на день рождения он дарил какую-нибудь весёлую игрушку.

С тех пор ежегодно, возвращаясь в класс первого сентября, Кот и Марина усаживались за одну парту – третью у окна. Нередко он рисовал фантастические картины, изображающие жизнь подводных обитателей и людей, покоряющих морские глубины, собирающих богатства на дне – кораллы, жемчуг. Были тут и человек-амфибия, и пловцы в сказочных скафандрах, ластах. Альбомные листы и цветные карандаши неизменно лежали в Володькиной парте. На уроках по устным предметам он доставал их и увлечённо занимался своим художеством, вкладывая фантазию и старание в рисунок. Марина с интересом наблюдала за работой Володьки, порой мысленно погружаясь в его фантазийные сюжеты.

Учился Кот легко и хорошо. Казалось, не было предмета, который бы он не знал гораздо шире школьной программы. Бывало, она бессовестно списывала у него задачки на самостоятельных работах по математике, физике, химии. На контрольных он успевал выполнить свой вариант и помочь соседке.

А ещё Кот был озорным. Случалось (чаще всего на уроке географии), когда в классе наступала тишина, неожиданно раздавалось приглушённое «мя-я-я-уу...». Класс взрывался громким хохотом, только Володя и Марина продолжали внимательно «изучать» задание, данное учительницей Эвелиной Карловной. Она чуточку растерянно смотрела на ребят и с расстановкой произносила:

- Котов, встаньте! (Она всегда обращалась к ученикам на «Вы»)

- А что сразу я-то? – возмущался Кот.

Вообще, Эвелина была добрая, хороший педагог, обаятельная женщина, всегда аккуратно причёсанная, со вкусом одетая. Ребята её уважали. Знали и то, что она фронтовичка, в годы войны была зенитчицей. На праздник Победы она приходила в строгом серого цвета платье, с орденами и медалями. Откуда она приехала в посёлок – никто не знал. Только чувствовалось в ней городское происхождение, а в мягком говоре слышался «акающий» диалект. Ученики за глаза называли её «Королина» и старались добросовестно готовиться к каждому уроку по предмету.

Среди увлечений Кота была и фотография. Он любил делать снимки живой природы: яркая бабочка на цветке, кузнечик, на широкой травинке, пчела, собирающая нектар среди лепестков цветущей яблони, ящерица, пригревшаяся на пеньке, небольшая змея среди травы.... Эти фотографии он, как и рисунки, дарил Марине. Часто фотографировал и её: то смеющуюся, то грустившую, играющую с котёнком, держащую в руках малыша-цыплёнка. Она была то среди цветущих яблонь, сирени, то с корзиной грибов в сосновом бору, то сидела на огромной поляне с одуванчиками, то прижимала к себе букет из осенних листьев... Все эти снимки Марина бережно хранила в отдельном альбоме, подаренном Володькой в десятом классе на день рождения.

Промчались школьные годы. Осенью Володька уехал учиться в военное училище. Марина поступила в педагогический. Они не переписывались. Но каждое лето на

каникулах он приходил к ней в гости и они подолгу пересматривали школьный альбом, рассказывали друг другу о себе, о судьбах одноклассников. Как-то Володька пригласил её в кино. В полупустом зале после уличного зноя было прохладно. Фильм близился к концу, когда он осторожно и робко взял Маринину руку в свою.

- Кот, ты чего?- удивилась она, высвобождая ладошку. Он промолчал. После кино, проводив её домой, как бы невзначай обронил:

- Послезавтра отбываю... Завтра у меня соберутся друзья: посидим немного. Приходи...

К назначенному часу Марина была у него. До десятка парней и девчонок уже весело щебетали в комнате. Большинство из них были незнакомы девушке. Хотя одного – Саньку Истомина- Марина знала по школе. Он учился в параллельном классе и был спортивной гордостью школы – неизменным чемпионом по лыжным гонкам. В него влюблялись многие девчата. Марине он тоже нравился.

- О-о-о! Кого я вижу! – широко улыбаясь, приветствовал её Санька, - Маришка! Ты всё хорошеешь! Слышал, что мы с тобой, почти, коллеги: я ведь тоже в педучусь – на физфаке...

Весь вечер он ухаживал за Мариной. С Котом она станцевала лишь один танец. Даже почти не разговаривали с ним. Зато Сашка болтал без умолку, сыпал комплименты и шутил.

Августовский вечер догорал малиновым закатом. В распахнутое окно из палисадника пьяняще пахло матиолой, на невысокой молодой яблоньке весело чирикали воробьи.

Гости потихоньку расходились. Заметив, что и Марина направилась к выходу, Володька подошёл к ней.

- Я провожу тебя,- сказал он.

-Да, нет, не беспокойся, Кот,- улыбнулась она,- меня уж Санька пообещал домой доставить. А тебе я желаю счастливого пути. Удачи! Пока!

И она похлопала его по плечу, чуть приподнявшись на носочках, чмокнула в щёку...

Это была последняя встреча с Володькой. С тех пор она больше не видела его. На следующее лето он не приехал: закончив училище, отбыл по месту службы...

Да и она, получив диплом, уехала по распределению далеко от родных мест. Так ничего и не знала о судьбе Кота.

Много воды утекло с тех пор. Листая альбом, Марина вспоминала все эти события и будто наяву видела Володькины глаза, слышала его голос. Только теперь она отчётливо понимала то, что нравилась этому сероглазому парнишке. Возможно, была его первой любовью...

Кот навсегда остался в памяти светлым периодом её школьной жизни.



Осенняя мелодия дождя

Осень сыпала мелким дождём. Жёлтые листья, усеявшие асфальт, промокли насквозь. Только сосны величаво смотрели в затянутое тучами небо и шумели, покачивая вершинами.

Незаметно сгущались сумерки. На душе, как и на улице, было неуютно. Щёлкнув выключателем, Ольга включила свет в просторной комнате и, взяв с тумбочки книгу, устроилась в уголке кровати. Почти неделю живёт она в санатории, но к ней так никого и не подселили, хотя в комнате оставались свободными ещё два места. После ужина, сделав небольшую прогулку по широкой тропе, называемой тропой здоровья, она возвращалась в пустую комнату и весь вечер проводила в одиночестве. И если в первые дни пребывания это было для неё удовольствием, то сейчас она уже скучала по общению.

Тихий стук в дверь раздался неожиданно, и в тот же момент на пороге возникла соседка Надежда Петровна.

- Скучаешь? – улыбнулась она.

- Да, вот читаю. Телевизор с помехами работает, поэтому иного развлечения, как, с книгой посидеть, не нашла.

- Вот и я не знаю чем заняться. Решила в гости навеститься. Не против?

- Нет, разумеется. Даже рада буду поболтать, - оживилась Ольга.

- А я вот думаю – не пойти ли нам на танцы...,- несмело предложила Надежда Петровна. И, помолчав, добавила:

- Пошли.

Ольга даже растерялась. Уж пойти на танцульки в их возрасте было, по её понятиям, вроде бы нескромно. Но соседка так уверяла, будто там все такие, что Ольга уступила.

В просторном фойе второго этажа звучала лёгкая, негромкая музыка. Зал освещали неяркие лампы, оттого растекался мягкий полумрак. Желающих потанцевать было немного. Несколько пар медленно двигались в танце в ритме музыки. На скамейках вдоль стен устроились дамы и кавалеры. Оглядевшись, Ольга и Надежда выбрали два свободных места с краю.

Танец кончился. На смену ему вдруг ворвалась быстрая, громкая музыка, и зал словно вздрогнул. Несмотря на степенный возраст, отдыхающие вмиг образовали весёлый круг и стали «являть» такие телодвижения, что трудно было представить их больными, приехавшими в санаторий поправить свои «возрастные болячки».

- Может, и мы встряхнёмся? – предложила Надежда Петровна.

- А давай! – весело отозвалась Ольга.

И они влились в общий круг.

А потом был вальс. Он наплывал мягкими волнами и будто качал в колыбели каждое словечко. Приятный голос солиста выводил знакомую мелодию: *«Ночь коротка. Спят облака. И лежит у меня на ладони незнакомая Ваша рука...»* Ольга любила этот старый вальс. Он напомнил ей о беспечной юности, о деревенской танцплощадке среди раскидистых тополей и о парнишке, что кружил её лёгкую, счастливую в этом вальсе...

Она видела, как с противоположного конца зала к ним направился высокий статный мужчина в светлосером костюме.

- Разрешите...

И он протянул Ольге руку. Она подала свою, и партнёр легко повёл её по кругу.

К концу вечера они познакомились. Николай Сергеевич оказался интересным собеседником. К тому же он, как и Ольга, любил стихи Пушкина, Есенина. Многие из них знал наизусть и умел выразительно читать.

На другой день после ужина, дождавшись Ольгу у выхода, предложил прогуляться по тропе здоровья.

Они шли не спеша, непринуждённо беседуя. Со стороны могло показаться, что встретились давние знакомые, у которых много общих воспоминаний о прошлом.

- Вам никогда не говорили, что Вы очень похожи на актёра кино Владимира Гусева? – вдруг спросила Ольга.

- Ну как же, в молодости говорили, - улыбнулся он. – Теперь не говорят.

И, помолчав, добавил:

- Старый, должно быть, стал и уже не похож.

- Но ведь и Гусев не молод. Ему за 70. И в этом возрасте Вы тоже с ним чем-то похожи, - ответила она. – Кстати, люди с возрастом очень меняются внешне. К примеру, кто из нас узнает в сегодняшнем Владимире Кореневе того красавца Ихтиандра из «Человека-амфибии», в которого были влюблены девчонки всего Советского Союза?

- Да уж..., - засмеялся он.

Дни бежали незаметно. Вечерами Ольга уже не сидела в одиночестве в пустой комнате. Вместе с Надеждой Петровной и Николаем Сергеевичем они гуляли по тропинке в сосновом бору, ходили на танцы или проводили время у традиционного костра, где под аккомпанемент баяниста - культмассовика с удовольствием пели старые песни.

О своём новом знакомом Ольга знала уже всё. Оказалось, что на его долю выпало немало испытаний: год назад от рака умерла жена, с которой прожили без малого полвека. А несколько месяцев назад трагически погибла младшая дочь, работавшая крановщицей на заводе. Остался внук – шестиклассник, забота о котором легла на плечи деда. Старший сын живёт в том же небольшом городке под Тюменью, что и Николай Сергеевич, но отца навещает редко: семья, работа.

- Нелегко одному приходится,- смущённо признался он, - только не могу забыть мою Соню. Она была необыкновенная женщина: спокойная, доброжелательная, весёлая...Очень любила жизнь...Вы, Оля, напоминаете мне её...Оттого, должно быть, и потянуло меня к Вам...

- Ну что Вы, Николай Сергеевич,- растерянно ответила Ольга, - я не та женщина, на которую надо делать «ставку». У меня семья: муж, дети, внуки...

Вторая половина октября выдалась на удивление доброй. По утрам лужицы покрывались хрупким ледком. Днём же светило солнышко. А вечерами вновь становилось по-осеннему зябко. Ядрёный хвойный воздух был настолько свеж и приятен, что не хотелось возвращаться в корпуса. Отдыхающие небольшими группками, парами прогуливались среди величественных сосен, белоствольных, уже облетевших, берёз. Те, что постарше сидели на скамеечках, подстелив под себя шарфы, платки или же просто газеты. Жизнь в санатории текла своим чередом: размеренно, непринуждённо.

- Вот и закончилось моё лечение. Завтра утром уезжаю, - как-то грустно произнёс Николай Сергеевич. – К 10 часам за нами, тюменскими, приедет специальный автобус. Вы, Оля, проводите меня?

- Да нет... У меня в 9-30 процедуры, - ответила Ольга.

- Жаль...

Он помолчал. Вдруг резко остановившись, повернул её к себе лицом и неожиданно выпалил:

- Послушай, Оля! Поехали со мной! А? Я ведь по глазам вижу, что ты несчастлива. Хотя ничего мне о себе не рассказывала. Я постараюсь сделать для тебя всё, чтобы изменить твою жизнь... Поехали!

От неожиданности Ольга растерялась.

- Что Вы, Николай Сергеевич! У нас с Вами разные пути. Сколько в жизни бывает подобных случайных встреч. Вы ведь даже не знаете меня толком...

- Я вижу, Оля. Ты хороший человек. Мне легко и просто с тобой. Я был бы счастлив быть рядом... Поехали...

- Нет, - уже твёрдо сказала Ольга. - Доброго Вам пути. Удачи!

- Что даже и телефон не оставите? – вполголоса спросил Николай.

- Зачем? Мы просто познакомились и расстались... Продолжения не нужно ни Вам, ни мне...

Оставшиеся до отъезда три дня Ольга вновь провела за книгами. Надежда Петровна уже уехала и не заглядывала по вечерам. Накануне отъезда она зашла попрощаться и, как бы невзначай, сообщила:

- Знаешь, Оля, у Николая Сергеевича, действительно, умерла жена. Мне рассказала об этом знакомая, с которой мы вместе посещали процедуры. Она из того же городка, что и он. Есть женщина, что живёт по-соседству, приходит к нему – убирает комнаты, готовит, стирает. Не против бы и переехать к нему, да он не приглашает...

- Прости, Надя, но мне это не интересно, - отрезала Ольга.

С тех пор прошло три года. Сама не зная почему, но Ольга часто вспоминает те дни, проведённые в санатории, осенние прогулки в хвойном лесу и мужчину, похожего на актёра Владимира Гусева, который с грустью в голосе читал ей есенинские стихи.



ДОМИК НА ОКРАИНЕ

Мартовский денёк к полудню разгулялся. Хотя зима не спешила уходить: вчера целый день метелило. Снега выпало столько, что не бывало за всю минувшую зиму.

Но весна уже чувствовалась во всём: в ярком солнышке, в осевшем снеге, в радостном чирикании воробьёв. И в запахе ветерка тоже ощущался неуловимый особенный аромат. Где-то там под снегом дышала Весна...

Вера неспешно шла вдоль улицы. Ноги сами довели её до перекрёстка. Она повернула в узкую улочку, на которой не было ни машин, ни пешеходов. Старенькие дома смотрели ей вслед, будто припоминая нежданную посетительницу. И она смотрела на них, как на давних знакомых, но не узнавала: у некоторых появились новые современные большие и светлые окна, у других – крашенные палисадники, высокие ворота...

Как давно не была Вера здесь, на этой дальней улочке. В памяти рисовались картины прошлого: вот здесь жили Кондратовы, в палисаднике которых цвели всё лето огромные солнечные ромашки; а наискосок от них в белёном домике жила молодая семья Трофимовых, тех, что всегда в канун Октябрьских праздников приколачивали высоко над воротами красный флаг с серпом и молотом, да пятиконечной звездой. Чуть подальше в старенькой избушке жила бабушка Маша. Из-под подворотни у неё всегда выбегала маленькая шустрая собачка с висячими ушами и почему-то безхвостая. Она визгливо лаяла на прохожих, но стоило ей почувствовать опасность, как собачка со смешной кличкой Шабалька скрывалась в подворотне. Когда Вера шла из школы мимо этой избушки, баба Маша частенько стояла у ворот, будто поджидая кого-то. Завидев Веру, доставала из кармана плюшевой жакетки карамельку в бумажке и угощала девочку. При этом её верная «охранница» Шабалька сидела рядышком молча.

Так незаметно, размышляя, Вера дошла до старого одноэтажного кирпичного здания с маленькими оконцами и покосившейся от времени оградой. Здесь раньше был детский сад. Тогда он казался большим и уютным. Обнесённый низеньким заборчиком из штакетника, он напоминал сказочный городок. Каждая дощечка в ограждении покрашена

в разный цвет, а во дворе среди зелени полянки под нарядными зонтиками цветных грибков располагались две песочницы, в которых с крохотными ведёрками и лопатками, с игрушечными грузовичками дружно копошились малыши. Ближе к дальнему заборчику стояла на курьих ножках избушка с решетчатым окошечком и широким дверным проёмчиком. По-соседству с ней – лёгкие качельки, зелёный деревянный «танчик»... Во дворе всегда было шумно и весело.

За зданием детского сада стоял крайний, самый большой на улице дом многодетной семьи Завьяловых. С их старшей дочерью Лизой училась Вера в параллельном классе. Лиза была добрая, трудолюбивая девочка. На школьных субботниках она работала с таким желанием, что учителя ставили её в пример другим детям.. Вера тайно завидовала Лизе, её скромности и жизнерадостности. Ей хотелось быть похожей на эту невысокую, аккуратную, с длинной русой косой девочку. Училась Лиза старательно и её фотография постоянно красовалась на школьной доске почёта отличников.

Сразу за домом Завьяловых улочка заканчивалась, уходила вниз под горку, к маленькому озерку, за которым начинался бесконечный луг, летом ярко-зелёный, осенью – жёлтовато-рыжий, а зимой укрытый белым снежным покрывалом. Отчего-то называли этот луг поскотиной. Может оттого, что в летние дни паслось на нём стадо бурёнок из личных хозяйств сельских жителей.

Наискосок от детского сада начиналась улица Береговая, что тянулась вдоль окраины почти до самого берега реки. Тут стоял угловой домик Вериней тёти Кати – маминой старшей сестры, у которой студёными зимами, когда ходить в школу из-за реки было далеко и холодно, девочка жила. Она любила этот уютный пятистеночек. В нём всегда было тепло и чисто. Тётя Катя плела очень красивые коврики из старых разноцветных тряпочек, которые предварительно стригла на узкие ленточки, сшивала их меж собою и сматывала в объёмные клубки. Ковриками были устелены комната, кухня, сени и даже невысокое широкое крылечко.

А ещё в домике тёти Кати всегда витал необыкновенный сладковато-пряный аромат, присущий только ему: запах напоминал свежесть летнего леса и луговых трав, и никогда не исчезал. Уже подходя к крылечку его можно было почувствовать. Казалось, он жил в доме полноправным хозяином. Вера любила этот аромат тёти Катиного дома и скучала по нему. Вот и теперь, спустя много лет, она остановилась у него и будто наяву ощутила знакомый запах...

Как давно не была она здесь! А вот сегодня почему-то ноги сами привели её на тихую улочку, к домику, что жил в памяти. Теперь на этом месте стоял высокий, большой дом под черепичной крышей, отделанный желтоватым сайдингом. И ворота были под стать ему: крепкие, с кирпичными колоннами. И только номер на крупной табличке остался прежним - **18...**

Вера стояла поодаль от дома и смотрела, как на добрую память прошлого. И виделся ей такой родной и милый тёти Катин пятистеночек...

Воображение рисовало свои картинки. Вот она девчушка лет восьми вместе с любимой тётёй ищет на огородной грядке первый зелёный огурчик, пупырчатый и ароматный. Ей – самый первый урожай с огуречной грядки!

Ласковый весенний вечер... Верочка, совсем маленькая, бежит на кухню. Тётя Катя, сидя в комнате у окошка, плетёт свои коврики. Девочка хорошо знает, что в узорном деревянном шкафчике, в круглой баночке стоят разноцветные конфетки - горошек. Они ужасно вкусные и такие ароматные! Верочка пододвигает табуретку и, взобравшись на неё, открывает шкафчик, достаёт баночку. И вдруг...крышечка соскальзывает и цветные горошинки летят на пол! Они разбегаются по кухне. Тётя Катя, услышав этот «грохот», бежит на кухню и, увидев картину, со смехом всплескивает руками: «Ах, ты, баловница!» Вместе они собирают горошек. Но теперь его место не в баночке, а в мусорном ведре. «С пола ничего кушать нельзя!»- наставительно приговаривает тётя Катя.

Тётя Катя работала «билетёршей» в местном кинотеатре. Она сидела в небольшой кабинке и продавала билеты. Нередко брала с собой Верочку. Когда начинался фильм, она заводила её в прохладный тёмный зал, усаживала на свободное местечко. А дома у неё всегда аккуратной стопочкой лежали продолговатые, похожие на книжечки буклеты с аннотациями к разным кинофильмам. Их она раздавала зрителям вместе с покупаемыми билетами. Вера любила просматривать эти книжечки, ведь в каждой из них имелись маленькие фото-кадры из предлагаемого фильма.

Не только в кино посчастливилось побывать Вере в детстве. Однажды тётя Катя провела её на оперетту «Вольный ветер». На всю жизнь запомнила девочка, как пели и танцевали на сцене приезжие актёры. В другой раз Верочка побывала на встрече, когда в село приезжал настоящий артист кино, по фамилии Иванов – исполнитель роли Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия».

У тёти Кати не было своих детей. Так уж сложилась судьба, что незадолго до войны вышла она замуж за красавца Костю Литвинова. Любовь у них была со школьных лет, и были чувства такими чистыми и верными, что завидовали им друзья – подружки. Весёлая хохотушка Катя и не по годам серьёзный Костя будто бы дополняли друг друга. Куда бы ни шли они, что бы ни делали – всегда вместе, рядом. Невозможно было представить их по отдельности. Их так и звали в шутку – «Котя-Катя». На фронт его призвали в самом начале войны. А осенью получила Катя похоронку... Так и не изменила она своему любимому. Единственному. Бережно хранила в чистенькой салфеточке несколько фронтовых писем – треугольничков, полученных молодой женой. Однажды Верочка случайно увидела, как тётя Катя, развернув ту тряпичную салфеточку, достала треугольнички и читала их. А по щекам бежали слёзы...Потом она что-то шептала, положив исписанные листочки на колени. Наверное, разговаривала с Костей. Так решила Вера. И потихоньку уселась на кухне, чтобы не помешать минуте откровения души тёти Кати.

Во дворе, между воротами и крылечком росла яблонька, что по весне цвела душистыми бело-розовыми цветами, а в конце лета покрывалась некрупными бордовыми яблочками, которые были сочными, сладкими, с приятной кислинкой на вкус. Вера знала, что яблоньку эту посадили молодожёны Костя и Катя в предвоенную весну.

- Вот, - пошутил тогда Костя, - дом построил, дерево посадил. Осталось родить сына...

Только оборвала проклятая война мечты и планы. И до седины прожила его Катенька в этом домике на окраине, где встречала каждую весну в компании цветущей подружки – яблоньки. С ней она тоже нередко вела тихие беседы, рассказывала о жите – бытие. А дерево шелестело листвой, будто шептало ей о любви и верности.

Откуда-то издалека накатило воспоминание, как ходили Вера с тётёй Катей в лес по ягоды: брали душистую землянику, да клубнику, «маручую» чернику, от которой руки и язык становились синими, «костлявую» костянику и другие ягоды, которых в лесах было множество, и которые быстро и с шутками брала в ведёрко тётя Катя, а Верочка в стаканчик, да в рот. Но особенно запомнилось, как ездили они за смородиной в родную тётю Катину деревню Липнягову. Там она знала смородинные места в детских лет. В деревне ещё жили дальние родственники, которые помнили сестрёнок Катюшу и Маняшу – Верочкину маму. Приветливо встречали ягодниц, когда приезжали те в летние деньки на малую родину. Смородины было так много, что Верочка брала её в маленькую плетёную корзиночку. Однажды насобирала её до самых краёв и тётя Катя похвалила её, радостно воскликнув:

- Какая молодец! Варенья наварим вдоволь!

А уж этого добра на всю долгую зиму в арсенале тётю Кати и мамы было столько, что хватало и себе, и гостям. Разное – земляничное, клубничное, черничное, малиновое, вишнёвое, смородинное - оно всегда дополняло стол, являясь главным явством чаепитий. Да и вкусная стряпня нередко украшала стол. Из сахаренных брусники и костяники готовили замечательный морс. Сушёные ягоды черёмухи шли на вкусные лепёхи, да пирожки. Из боярки готовили удивительное блюдо, называлось которое кулагой...

Мартовский день незаметно клонился к вечеру. А Вера всё стояла вблизи дома на окраине посёлка и вспоминала яркие моменты минувшего. Память неожиданно воскресила тёплый ласковый май, когда в домик тётю Кати пришла беда...

Вера, уже совсем взрослая, собиралась уезжать на работу в небольшой городок, где начинался её трудовой путь в начальной школе, куда её направили по распределению после окончания института. В родительский дом девушка приезжала на Первомай. Телефонный звонок настойчиво позвал к аппарату. Взяв трубку, Вера услышала незнакомый голос: звонила тётю Катина соседка:

- У Катерины инсульт, - тревожно сказала она. Помолчав, добавила: - Парализовало её. Приходите скорее. Она ведь совсем одна...

Вера растерянно засуетилась. Дома не было ни мамы, ни старшей сестры. А медлить нельзя: надо быстрее добираться до тёти Кати, туда за реку. Ведь она в беде. Совсем одна.

Вера, наскоро одевшись, выбежала во двор, куда входили мама и сестра Люба с годовалым сынишкой на руках. Весть они восприняли с таким же беспокойством, как и Вера. Поспешили к переправе, где какой-то предприимчивый мужик наладил перевоз через реку нуждающихся.

В знакомом домике никого, кроме старушки – соседки, не оказалось. Тётя Катя лежала на кровати и смотрела на пришедших с каким-то несвойственным ей страхом. Она понимала весь ужас случившегося с ней, но ничего не могла поделать: ни пошевелиться, ни сказать...

- Она в сенях упала. Хорошо, что засов успела открыть. Я попроведать её пришла. Как будто чувствовала. Открываю, а она лежит... Это мы с моим Иваном её до кровати доволокли, да положили, - рассказывала соседка.

Вера наклонилась над тётей Катей и отчаянно хотела понять, как помочь ей, милой, родной.

- Я люблю тебя. Ты поправишься,- шептала она.

Но тётя Катя вдруг опустила ресницы, прикрыв глаза, будто хотела что-то сказать...

Вера выбежала на крыльцо. Она плакала горько и безудержно. Никогда ей не приходилось видеть умирающих людей. Она не представляла, как это больно терять родного человека.

У крылечка вся в цвету стояла яблоня. Вера подбежала к ней, обняла за ствол и, подняв глаза к белой кроне, вдруг громко и отчаянно закричала:

- Кост-я- я! К-о-о-стя! Катя, Катенька твоя умирает!

Ей на миг показалось, что ствол яблони вздрогнул под её руками... Вера ещё отчаяннее, навзрыд заплакала... Да, она знала, что он, Костя, услышал её и ему тоже больно...

Приехала «Скорая» и увезла тётю Катю в больницу. Через несколько дней её не стало. Это была последняя весна в её светлой, доброй жизни.

Вера вдруг почувствовала, что по её щекам катятся слёзы.

К дому напротив подошла молодая женщина и, удивлённо посмотрев в сторону пожилой незнакомки, стоящей в слезах наискосок от их дома, открыла ворота. Она скрылась за ними, так и не узнав, что делала здесь чужая немолодая женщина в белом вязаном полушалке и сером пальто. Почему она плакала, стоя у их дома.

Вера, словно стряхнув с себя оцепенение, тихонько зашагала обратно – вдоль улицы, мимо бывшего детского сада, знакомых и незнакомых домов. Она будто побывала в гостях у тёти Кати, в милом домике – пятистеночке на окраине, в котором живёт пряный запах каких-то трав, воспоминания прошлого.



ПОКАЖИ ДОКТОРУ ФИГУ

Он шёл по больничному коридору. Шёл быстро, уверенно, твёрдой походкой, не глядя по сторонам и ни с кем не здороваясь. Его знали все. Врач – хирург Вадим Павлович Полянский много лет проработал в центральной районной больнице. Пациенты относились к нему по – разному - кто-то с неприятием, кто – то с уважением, кто – то с непониманием. Но побаивались его все.

Был он резковат, при случае мог и послать подальше и заслуженно отсчитать. Хотя был немногословен. Как врач, однако, был он грамотный и внимательный. Про таких говорят: доктор от Бога. Профессионал. Попасть на лечение к Полянскому значило – исцелиться. Выздороветь. К больным он относился заботливо и даже трогательно. Не считался со временем. Мог прийти в палату к прооперированному и рано утром, и поздно вечером, и в выходной, и в праздник. Внимательно осматривал, интересовался каждой мелочью в самочувствии, давал советы. Пациенты старались выполнять данные врачом рекомендации, и открыто доверяли ему свои переживания. Одним словом, больных он выхаживал, будто детей. При выписке они кардинально меняли своё мнение о Полянском и от души благодарили его за заботу. А он, даже не улыбнувшись, похлопывал пациента по плечу и бросал: «Давай!». На том и расставались.

В районную больницу Вадим Павлович приехал молодым, но уже имеющим опыт специалистом из городского, довольно крупного медучреждения, где работал в хирургическом отделении. Приехал по воле судьбы. Да так и остался. Теперь казалось, что всю жизнь он работал здесь. Среднего роста, всегда подтянутый, с седой шевелюрой волос и голубыми глазами, всегда в ослепительно белом халате, он выглядел эталоном медицины, требовательным врачом, отменным специалистом. Остальное в расчёт брать не стоит. Представить центральную районную больницу без Полянского невозможно.

В то утро Ольга с раннего утра хлопотала на кухне. В полдень младшая дочка Катя обещала подскочить, чтобы отвезти мать и отца на кладбище. В светлый праздник святой Радоницы родители неизменно посещали могилы родных, приносили на них цветы, подавали милостыню. Ольга уже приготовила мягкие румяные булочки, крашеные яйца, печенье, конфеты и крупу пшена, которую сыпала на родные холмики погоста. Зачем это надо делать она не знала – не ведала. Но так всегда делали её бабушка, мама. И она считала это неписанным законом, своеобразной семейной традицией. « Прилетят птички, поклюют зёрнышки, и души родных порадуются», - говаривала мама. И она, Ольга, верила в бессмертие душ человеческих, в вечную их жизнь и представляла их радость. В Радоницу шла на погост, будто на свидание с дорогими людьми.

На кладбище было тихо и спокойно, хотя у многих могил находились люди. Но все разговаривали тихонько, словно опасаясь потревожить вечный покой родных и близких. Майский день стоял тёплым, солнечным. В небе играло весеннее солнышко, белые берёзы радовали нежностью маленьких клейких листочков, в небе кружили птицы. И было такое дивное умиротворение, что окружающий мир казался светлым и чистым. Ольга, присев на скамеечку у квадратного столика, выкладывала на него красивые румяные булочки, печенье, конфеты – всё угощение, что принесла родным. Она совсем неслышно вела беседу с матерью, сестрою, отцом, что покоились под бугорками весенней земли. Букеты цветов украшали их, радовали своими красками и одновременно навевали настроение грусти, что нет рядом этих дорогих и любимых людей.

Наступило время возвращаться домой. Они с Катюхой, попрощавшись с родными, направились за кладбищенскую черту к машинам, что в ряд стояли у дороги. Ольга, свернув на обочину, не спеша подошла к большой куче мусора, чтобы бросить пустой пакет. Катюха направилась к машине, где их уже ждали отец и её 8 – летняя дочурка. Сейчас подойдёт мама, и они поедут домой. Ольга, положив пустой пакет, по дорожке пошла к ожидавшим. Миновав несколько стоявших задом к дороге машин, она подошла к очередной, синего цвета «Ниве». И вдруг машина начала медленно двигаться назад. В долю секунды она оказалась совсем рядышком. Ольга даже не успела сообразить, что делать. От неожиданного толчка она упала навзничь вниз лицом, оказавшись между колёс. «Ну вот и всё...», - ударила мысль. Каким – то неясным ощущением она чувствовала, как колёса движутся по колею, а днище сверху наплывает над нею. « Господи! Спаси!», - не то прошептала, не то подумала она. А впереди, ей показалось, возникла фигура матери, почему – то в белом саване. Она стояла у обочины по ту сторону дороги, вытянув вперёд руки, будто останавливая машину... В этот же момент Ольга услышала отчаянный крик Катюхи: «Сто-о-ой! Маму сбил! Стой!».

Машина встала. Потом тихо сдвинулась вперёд, освобождая лежащее Ольгино тело от плена. Подбежали муж и дочь, вытащили её, помогли подняться на ноги. В момент рядом оказались растерянный хозяин машины с женщиной, видимо, с женой. Немолодой мужчина, примерно ровесник Ольги, испуганно смотрел на Ольгину руку, в долю секунды, вздувшуюся в кисти. Его жена, схватив Ольгу за руку, крикнула: «Быстрее перевязать!» Длинная зелёная тряпка оказалась на повреждённой правой руке. «Пошевели пальцами!», - требовательно скомандовала женщина. Ольга послушно пошевелила пальцами. Они не чувствовали ни боли, ни страха. Видно был тот момент

шока, когда человек теряет все чувства...»Может просто сильный ушиб.», - констатировала меж тем женщина.

Катюха звонила своему мужу, просила его сообщить в ГАИ, в больницу и приехать за пострадавшей матерью.

Дальнейшие события Ольга видела, будто со стороны – приехавший на место сотрудник ГАИ, составление протокола, путь в больницу...

В рентгенкабинете её уже ждали врач – хирург Вадим Полянский и его жена, врач – рентгенолог Светлана Полянская. Несмотря на надежду на лучшее, рентген показал, что у Ольги перелом лучевой кости со смещением.

- Нужно срочно и быстро доставить в областной травматологический центр, - дал заключение Вадим Павлович. Он наложил гипс, выписал направление и посоветовал родственникам сейчас же везти Ольгу в область.

- Заведующий травматологией – мой знакомый, - сказал он, - я позвоню, чтобы он задержался и встретил вас. Поспешите.

И Ольгу повезли в травматологию. Сопровождать взялась старшая дочь Лиза.

Всю дорогу Ольга со страхом думала о том, что ей предстоит. «Только бы не больно...», - опасалась она. Любой боли очень боялась. Но рука не болела, не ныла, только под гипсом казалась тяжёлой и очень неудобной.

Врач - травматолог, осмотрев её, направил в палату и сказал, что завтра лечащий врач назначит операцию. Ольга позвонила мужу и сообщила об этом. Лиза проводила маму до самой палаты.

Она была четырёхместная, светлая, чистая. Первое, что бросилось Ольге в глаза, её обитатели. Улыбчивая высокая, худощавая женщина – Люся, которая лежала на реабилитации после обострения перелома коленного сустава. Она улыбнулась Ольге и доброжелательно проговорила: «Добро пожаловать». И Ольге как – то сразу стало спокойнее, уютнее. Второй пациенткой была невысокого роста, вся такая кругленькая, с богатой чёрной косой, цыганка. У неё была сломана ключица – попала в ДТП. Раиса, так звали женщину, уже была прооперирована и через несколько дней ждала выписки. Третьей соседкой Ольги оказалась средних лет русоволосая, с короткой стрижкой, приятной наружности, доброжелательная женщина - Нина. Она только сегодня поступила в отделение со сломанной ногой. Ей, также как и Ольге предстояла операция. Загипсованная нога лишала её возможности передвигаться. Нина показала на кровать напротив:

- Устраивайтесь. Теперь это Ваше ложе. Будем тут время вместе коротать.

Она улыбнулась светло и приветливо. И на душе у Ольги стало легче. Она прошла к широкой, чисто убранной кровати, положила в прикроватную тумбочку свои вещи.

Операцию она перенесла тяжело. Нет, боли не чувствовала. Однако впервые за эти дни в её душе поселился страх. Врач Олег Викторович Щеглов пытался вселить в неё

уверенность. Он был спокоен и сосредоточен. Анестезиолог Кирилл, рассчитав дозу, ввёл препарат, и вскоре Ольга отключилась. Она не видела и не чувствовала что делали с её рукой. Ей казалось, что несётся она куда – то по длинному тёмному коридору к горящему вдалеке яркому свету. Но приближаясь, будто неведомая сила отбрасывала её назад. И, оказавшись в бездне, она снова устремлялась вперёд. И летела...Летела...

Далёкие голоса словно вырвали сознание из беспамятства. Чьи – то руки хлопали по щекам. Слышалось требовательное: «Проснись!». Потом её катили по длинному коридору из операционной в палату. Там бережно переместили на кровать. Сколько спала – было неведомо. Открыла глаза и увидела лицо дежурной медсестры.

- Всё хорошо, - улыбнулась та, - теперь на поправку пойдёте. С кровати не вставать! Коли что – то потребуется, зовите дежурную. Не стесняйтесь. Всё будет хорошо.

И она ушла. Ольга обвела глазами соседок по палате. Они были спокойны. Значит и действительно всё нормально.

Утром она проснулась со светлой головой и добрыми мыслями. Её рука была «упакована» от кисти до самого локтя в круглую «железяку» - колёсики, спицы вставлены в руку и надёжно закручены болтами с гайками. Этот аппарат назывался по имени его конструктора – изобретателя – талантливого профессора травматологии и ортопедии Илизарова. Ольга, осмотрев аппарат, сделала попытку подняться.

- Куда!? – предостерегающе вскрикнула Нина, - Нельзя тебе вставать. Вот придёт доктор на обход и всё скажет. А пока медсестра сделает всё необходимое.

Вошедшая санитарка принесла «утку», небольшой тазик, кувшин с тёплой водой. Закончив утренние процедуры, открыла окно. Поток свежего тёплого воздуха ворвался в палату. Шумели молодой зеленью ветви берёз в больничном парке, весело чирикали воробьи. Яркое солнце улыбалось в голубом высоком небе. И на душе стало также светло, тепло и спокойно.

Дни тянулись медленно и однообразно. После врачебного обхода в палату приходила инструктор по лечебной гимнастике Наталья Карповна. Женщина строгая, требовательная.

- Ну что принцессы! – громко обращалась она к пациентам, - На зарядку становись!

Потом начинала «терзать» Ольгу. Заставляла её поднимать – опускать руку, вытягивать в сторону, размахивать взад – вперёд, сжимать в кулак, сгибать поочерёдно пальцы и выполнять всё то, что пока давалось Ольге с трудом и болью.

- Нечего себя жалеть! – командовала Карповна. – Восстанавливаться надо активнее. А то видишь ли, какая бедненькая! Больше движений – быстрее процесс!

И Ольга беспрекословно делала всё, что требовала инструктор. Она даже побаивалась её. Перед обедом в их вторую палату заглядывала девушка из соседней – Оксаночка. У неё были загибсованы кисти обеих рук – попала в аварию.

- Ольга Николаевна, - щебетала девушка, - идёте на прогулку.

И они отправлялись гулять по коридору, вперёд, обратно, сворачивали за угол в сторону «Ординаторской», «Перевязочной» и других сугубо медицинских отделений. Каждодневные прогулки сблизили их. Оксана рассказывала о себе, своей семье, об увлечениях. Ольга делилась своими воспоминаниями. Как - то незаметно к ним присоединился ещё один «прогульщик» - молодой человек из палаты напротив – Костя. Он попал в ДТП и на его ноге был такой же аппарат, как и у Ольги. Двигался он на костылях, а оттого «коридорные» прогулки были для всех троих медленными. Ольга в этот период не забывала энергично, но с осторожностью размахивать своей «закольцованной» рукой. Оксана держала руки перед грудью. Шевелила пальцами, что виднелись из – под гипсовой повязки.

В день выписки Ольга с нетерпением ждала обхода. Олег Викторович осмотрел её руку, поинтересовался самочувствием, выдал рекомендации, сказал, чтоб получила выписку и рентгеновский снимок на посту отделения. Прощаясь, улыбнулся и произнёс:

- Восстанавливайтесь быстрее и больше к нам не попадайте.

Исправно два раза в неделю Ольга ходила на перевязку в райбольницу. Доктор Полянский внимательно осматривал руку, давал советы и рекомендации. Она точно следовала им. Вадим Павлович выписывал ей таблетки, мази, гели, разные примочки и растирания, физические упражнения, назначал физиопроцедуры. В интернете Ольга нашла комплекс развивающих занятий при переломе лучевой кости руки и каждое утро занималась, усевшись перед монитором компьютера. Было больно, не всегда получалось нужное упражнение, но она терпеливо и настойчиво выполняла. В парке рвала веточки елей и сосен, заваривала их и опускала руку в целительный раствор, что по совету Полянского ускоряло процесс сращения кости.

Однажды он, осмотрев руку, сказал: «Покажи доктору фигу!». Она удивлённо глянула на него, а он, улыбнувшись, ещё требовательней проговорил:

- Ну, давай! Давай, покажи!

Ольга попыталась сложить пальцы. Но фигура не получалась.

- Вот когда покажешь «фигу», будешь молодец! – засмеялся Полянский. – Тренируйся!

Прошло лето. Миновала осень. Ольгина рука полностью восстановилась. К Новому Году она уже без проблем складывала пальцы в пресловутую фигуру. С теплом и благодарностью вспоминала о строгом докторе Полянском. Он для неё был каким – то ангелом – хранителем, который помог в трудную минуту преодолеть страх, боль, вселил уверенность в выздоровлении.

Иногда, усевшись перед телеэкраном, она показывала «фигу» и проговаривала с улыбкой:

- Вот вам, доктор, фига!

И от души смеялась.